

**ЧАЙКА/GAVIOTA: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
В ЧЕРНО-БЕЛЫХ ТОНАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ)**

В статье описан авторский опыт когнитивного анализа, объектом которого избран орнитоним «чайка» в современных испанском и русском языках. Лингвистический материал свидетельствует о том, что наряду с романтическим ореолом, сложившимся вокруг этой птицы, постепенно формируется ее новый образ. Сегодня чайка все чаще предстает как грязная, крикливая, агрессивная хищница, ведущая борьбу за пропитание.

Ключевые слова: концепт, орнитоним, образ, символ, коннотация.

A.P. Denisova
M.V. Kutueva

**SEAGULL / GAVIOTA: LINGVOCULTUROLOGICAL ESSAYS IN BLACK AND WHITE
(IN RUSSIAN AND SPANISH LANGUAGES)**

This article describes the author's experience of cognitive analysis, the object of which was elected ornitonym "seagull" in modern Spanish and Russian. Linguistic material indicates that, along with a romantic aura, which has developed around this bird is gradually formed its new image. Today, seagull increasingly appears as a dirty, noisy, aggressive predator, fighting for food.

Keywords: concept, ornitonym, image, symbol, connotation.

Чайка – один из наиболее емких интернациональных символов. Если бы в семантике слова «чайка» не было мощного положительного заряда, им бы не называли клубы и бассейны, рестораны и кафе, пионерлагеря, санатории и дома отдыха, детские сады и творческие центры, яхты, корабли и музыкальные коллективы, фабрики, стиральные машины и чистящие средства, туристические компании, гостиницы и мебельные гарнитуры, хоккейные команды и фестивали, правительственный автомобиль, самолет И-153, американский русскоязычный журнал и даже православный сайт знакомств.

Известны четыре семейства чаек. Собственно чайковые (Larus – кстати, именно так называется многоязычный словарь, без которого жизнь лингвиста невозможна) объединяют около 12 видов небольших водоплавающих птиц. Чайки – двухцветные птицы: крылья их белые, но всегда с черным, траурным обрамлением. Этот цветовой контраст оперения своеобразно отражается в семантике орнитонима «чайка» в русском и испанском языках.

¹Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1 РУДН.

²Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1 РУДН.

Размах крыльев наиболее крупных чаек доходит до полутора метров. Благодаря длинным крыльям они могут продолжительно парить в воздухе. Все чайки живут вблизи водоемов и питаются животной пищей [2, с. 125–126].

Вид чайки имеют различные изделия, применяемые в быту (вешалки, зеркала, часы), в том числе и наградные кубки: *На состоявшейся в четверг торжественной церемонии В. Саралидзе была вручена статуэтка «Золотая чайка» – символ свободы и неограниченных возможностей в сфере медиабизнеса* [Пресс-релизы // «Страхование сегодня». – 2007. – 6 июля].

Изображение этой птицы встречается на вывесках, логотипах разнообразных изданий, эмблемах политических партий, например испанской Народной партии – Partido Popular (PP). Чайка является символом Московского Художественного театра со времени постановки в нем одноименной пьесы А.П. Чехова. Благодаря чеховской чайке эта птица стала олицетворять мечту о счастье.

Об обилии объектов, обозначаемых чайкой с ее элегантно изломом крыла, свидетельствуют многочисленные высказывания в прессе, например: *...все банки и предприятия разрабатывают логотипы и тратят огромные деньги на их про-*

движение. Приведу близкий для меня пример – логотип БИИ-банка. Это чайка, парящая над волнами, над бушующим морем. Это та птица, для которой море – родной дом. Если моряк увидит чайку, значит, где-то рядом земля. Для него чайка – символ надежды, уверенности. Так же и наш банк. Для него родной дом – это непредсказуемое море бизнеса, где мы прекрасно ориентируемся и помогаем сориентироваться другим [Выставка рублей // Деньги. – 2000. – 25 октября].

Внешне чайки удивительно красивы: они плавают на снежных крыльях [Бунин, «На рейде»]; Над белыми утесами взмывая, / Сверкают крыльями в просторах голубых, / Кого-то жалобно и звонко призывая [Бунин, «На острове»].

Любуется полетом этих птиц чилийский писатель Луис Сепульведа: *Se las veía hermosas, majestuosas, recortadas contra el azul del cielo. A ratos parecían paralizarse, flotar simplemente en el aire con las alas extendidas, pero bastaba un leve movimiento para que se desplazaran con una gracia y una elegancia que despertaban envidia* [13, с. 36]. (Они были прекрасны, величественны, ярко вычерченные на синеве неба. Иногда казалось, что они застыли в воздухе и плывут по нему с распростертыми крыльями. Но достаточно неуловимого движения, чтобы они снова взлетели легко и грациозно, пробуждая в вас зависть).¹

В поэзии чайка обычно осознается как романтический символ: *Чайкою в сердце ты мне влетела* [Гумилев, «Канцоны»]. В этой строке чайка символизирует пронзительное и грустное чувство, созвучное тому, что заключено в строфе А. Блока: *Манили страстной дрожью звуки, / В колдунью-птицу влюблены. / И чайка – птица, чайка – дева / Все опускалась и плыла / В волнах влюбленного напева, / Которым ты во мне жила* [Блок, «Мы шли на Лидо в час рассвета»].

Константин Бальмонт неразлучен со своей любимой так же, как морская волна неразлучна с пугливой чайкой [Бальмонт, «Разлука»]. Чайка – это верность, возвышенность, романтичность: *Чайки за кормой верны кораблю, как ветрам облака...* – поется в известной песне на слова Л. Кукина. Вряд ли поющий эти слова задумывается о том, почему же эти птицы так верны кораблю. Между тем не секрет, что чайки вечно голодны и заглатывают свою добычу буквально на лету. Недавно одно из украинских новостных агентств опубликовало следующую заметку: *В одной из британских школ хищные птицы защищают школьников от голодных чаек, которые выхватывают у детей бутерброды, чипсы и другие за-*

¹Все переводы испанских текстов на русский язык выполнены авторами настоящей статьи.

куски [<http://ru.tsn.ua/tsikavinki/v-britanii-hischnyeplicity-zaschischayut-shkolnikov-ot-golodnyh-chaek.html>]. Вот и корабль чайки преследуют исключительно из корыстных побуждений: они ждут поживы. Эта мысль прослеживается в недавнем заявлении для прессы известного в прошлом футболиста Э. Кантоны, который, критикуя отношение современных банков к клиентам, сравнивает их с чайками: *Cuando las gaviotas persiguen al barco, es que alguien va a lanzar sardinas al mar* (Если чайки преследуют корабль, это значит, что кто-то будет бросать в море сардины) [«El País», 21.11.2011].

И все же чайка зовет в бесконечные дали, будоражит воображение, хотя гамма эмоций, которые возникают у нас, увидевших или слышавших ее, часто зависит от нас самих, от состояния нашей души, от нашего возраста, опыта, настроения. Так, классик испанской литературы Арман-до Паласио Вальдес, сравнивая свое детское восприятие моря и чаек с впечатлениями зрелого возраста, делает вывод, что между ними – пропасть: *... las gaviotas volando sobre la inmensa llanura despertaban en mi corazón ansias locas de lo infinito. ¿Qué nueva felicidad llegaría para mí? <...> Mi espíritu daba vueltas, trazaba círculos como aquellas gaviotas <...>. Era el templo de Dios aquel abismo líquido y transparente de donde se alzaba una música que me inundaba de dicha y llenaba mis ojos de lágrimas... ¡Ay!, ahora me acerco al mar como si fuese a la Puerta del Sol. <...> Su estruendo temeroso me deja impassible como el ruido de los coches, y me parece que las gaviotas con sus graznidos pregonan los periódicos de la tarde* [11, 3]. (Чайки, летящие над бескрайней равниной, пробуждали в моем сердце безумное стремление к бесконечности. Какое новое счастье ждет меня впереди? Душа моя кружилась, витала, словно чайка. Это был Божий храм – прозрачная водная гладь, рождавшая музыку, от которой сердце мое переполнялось счастьем, а на глаза наворачивались слезы... Увы, сейчас я подхожу к морю, словно к площади Пуэрта дель Соль. Рокот волн действует на меня так же, как шум машин, а чайки своим клекотом напоминают выкрики продавцов вечерних газет).

В испанских песнях часто упоминается чайка, летящая низко над волнами, и всегда – в поисках пищи. Как отмечено в «Словаре символов», низколетающие птицы выступают как «символ приземленности желаний» [7, с. 425]. Поэтому известная испанская песня призывает не походить на чайку, а взлетать высоко: тебя легко подстрелить, если ты летаешь низко:

¡Vuela, amigo, vuela alto! / Взлетай выше, друг мой, лети стрелой./

¡No seas gaviota en el mar! / Не будь ты чайкою морской! /

¡La gente tira a matar! / А в тех, кто низко летает, /

Cuando volamos muy bajo! / Охотники метко стреляют. /

[“Vuela, amigo”. Beatriz Álvarez – Marián y Sandra Beigbeder]

Чайка живет в большой стае. Именно поэтому белокрылая птица, летящая в отрыве от стаи, воспринимается как символ одиночества: “*Ante la inmensidad del agua / Me hallo solitario como una gaviota*” [ospando.hi5.com] (Перед водной безбрежностью / Я одинок, как чайка).

О незавидной судьбе одинокой чайки пелось в любимой пионерами-артековцами анонимной песне: *О любви настоящей мечтая, / Буре жизни отдавшись во власть, / Чайка в море отбилась от стаи / И в туманную даль унеслась*. Наряду с этим чайка – символ женщины; с ним мы встречаемся в песне Сильвио Родригеса «Чайка» (Silvio Rodríguez “La Gaviota”). Герой этой баллады – солдат. Он возвращается с фронта, радуясь тому, что цел и невредим. С благодарностью за свое спасение он смотрит в небо, где пролетает чайка: *La palabra “cielo” se hizo en su boca / y como si no hubiera más en el mundo / por el firmamento pasó una gaviota. / Gaviota, gaviota, vals del equilibrio, / cadencia increíble, llamada en el hombro. / Gaviota, gaviota, blancura del lirio, / aire y bailarina, gaviota de asombro*. (Он вымолвил слово «небо», / и тут, как будто больше ничего и не было на свете, / по небу пролетела чайка. / Чайка, вальс равновесия, / невероятные виражи, прикосновение к плечу. / Чайка, чайка, белизна лилии, / воздушная танцовщица, / удивительная чайка).

Черно-белая чайка объединяет впечатления войны и мирные надежды; она подобна то белоснежному цветку, то выстрелу, а ее крик напоминает металлический хохот смерти: *disparo en la sien y metralla en la risa, / gaviota que pasa y se lleva la vida? / Corrían los días de fines de guerra, / pasó una gaviota volando, volando / lento, como un tiempo de amor que se cierra, / imperio de ala, de cielo y de cuándo* (Выстрел в висок и пулеметная очередь смеха, / чайка пролетает и уносит жизнь? / Тянулись последние дни войны, пролетела чайка, / медленно, как время уходящей любви, / чайка – империя крыла, неба и времени).

Образ женщины-чайки стал своеобразной эмблемой лирики С. Родригеса: *Una mujer innotrable / huye como una gaviota*. (Безымянная женщина убегает, как чайка). www.amdm.ru/akkordi/rodriguez_silvio/74989/oleo_de_una_mujer_con_sombrero

Чаще всего в поэзии чайка – это образ женщины, избегающей общения и недостижимой, «как мимолетное виденье»: *Como el sol, que linda estás / Como una gaviota te vas, te vas / Viajando por las nubes / Inflando tus alas al volar / Llenando el horizonte / Donde te espera un nuevo caminar* [María Jimena Pereira, “Como El Sol” lyrics-keeper.com/ru/maria-jimena-pereira/como-el-sol.html] (Ты прекрасна, как солнце, / Как чайка, ты улетаешь, / Скользя по облакам, / Расправляя крылья на ветру, / Заслоня собой горизонт, / Где тебя ждут новые странствия).

Женским символом чайка выступает не только в силу лингвистических причин (женский род данного орнитонима в рассматриваемых языках) и не только благодаря своей красоте, но и из-за ее поведенческих свойств: крикливости и алчности, традиционно приписываемых женщинам. Это объясняется доминированием в социуме мужчин, привыкших всячески высмеивать и принижать представительниц слабого пола, дабы за их счет возвыситься самим: *De tu boca / salieron enloquecidos graznidos / de gaviota que atisba el mar, / de tus ojos / ensordecedores aleteos / de rara avis / expulsada del bosque eterno*. <http://lalentitud.spaces.live.com/blog/cns!F1A4329CB428028B!741.entry> (Ты издавала безумные крики, как чайка, заведывая море, ты оглушительно хлопала ресницами, как редкая птица, изгнанная из вечного леса).

Традиционно полагают, что одним из атрибутов птиц является пение. Но чайка относится к той немногочисленной группе птиц, которые, по представлениям носителей как русского, так и испанского языков, не поют, а кричат. Наблюдения над художественными текстами показывают, что особенно сильно воздействует на писательское сознание именно крик чайки. В нем слышится тоска, жалоба, стон, плач – весь спектр печальных эмоций – от грусти до скорби: *Чайка, серая чайка с печальными криками носится / Над холодной пучиной морской. / И откуда примчалась? Зачем? Почему ее жалобы / Так полны безграничной тоской? / Бесконечная даль. Неприветное небо нахмурилось. / Закурчавилась пена седая на гребне волны. / Плачет северный ветер, и чайка рыдает, безумная, / Бесприютная чайка из дальней страны* [Бальмонт, «Чайка»]. Вспомним также хрестоматийные строки из «Песни о Буревестнике» Максима Горького: *Чайки стонут перед бурей, – стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой перед бурей*. У Николая Гумилёва *кричит победно морская птица / Над вольной зыбью волны фиорда* [Гумилёв, «На мотивы Грига»]. Крик чаек ассоциируется с плачем и предстает как символ печали, оплакивания близкого чело-

века, ушедшего из жизни. *Не вейтесь, чайки, над морем. / Вам негде, бедняжечкам, сесть. / Летите в родной край далекий, / Снесите печальную весть...* – так пелось в народной песне времен Русско-японской войны.

По поводу этимологии в испанских словарях есть как звукоподражательная версия, так и гипотеза, предполагающая, что слово *gaviota* ведет свое происхождение от слова *gavia / napyc* [<http://buscon.rae.es/draeI/>]. Орнитоним «чайка» в русском языке восходит к звукоподражанию ее крику «чай, чай» [10, с. 487]. В испанском языке издаваемые ею звуки передает звукоподражательный глагол, также начинающийся на «ч»: *chillar* – «кричать, верещать, визжать». Образованное от этого глагола существительное – *chillido* обозначает «крик, визг». К описанию голоса чайки применима также и лексема *graznido*, которая по сводным данным анализа существующих испанско-русских словарей переводится целым каскадом условных синонимов: карканье, кряканье, гоготанье, клекот, грай, визг, вопль, а также ‘фальшивое (неблагозвучное) пение’. В романе перуанского писателя Марио Варгаса Льосы чайки «визжат» и «гогоют»: *Una bandada de gaviotas pasó muy cerca, aleteando y chillando* [14, p. 118]. (Стая чаек пролетела очень близко, хлопая крыльями и визжа); *Caminaron unos cincuenta metros más, en silencio, oyendo el graznido de las gaviotas* [Ibid., 120]. (Они прошли еще метров пятьдесят, слушая вопли чаек). Галисийский прозаик Мануэль Ривас слышит в криках чаек иронические ноты: *En lo alto, sobre sus cabezas, un cielo burlón, los chillidos irónicos de las gaviotas* [12, p. 25]. (В вышине, над их головами – насмешливое небо и иронический гогот чаек).

В классической художественной литературе, оказывающей значительное влияние на образ мира, формирующийся в сознании носителя языка, чайка традиционно представляет собой светлый символ, но реальность значительно деформирует этот идеальный умозрительный образ. Напомним, что при всей своей красоте и изяществе чайка – все же хищная птица: *Desde que vi a una gaviota atacar y comerse a una paloma, no me hace mucha gracia, por muy bonita que sea...* [www.panoramio.com/photo/6692509]. (С тех пор, как я увидел, как чайка напала на голубя и сожрала его, она перестала мне нравиться, несмотря на всю свою красоту...)

Сегодня все чаще звучат голоса, недоумевающие по поводу этого символа, называющие чайку безобразной, хищной, наглой и даже уродливой птицей. Вот что пишет о чайках монах Соловецкого монастыря: «В окно настойчиво стучит чайка. Эту безобразную птицу мы почему-то счи-

таем красивой. А летящая над озером белая чайка – символ нашей грустной мечты о несбыточном. Как ошибаемся мы, глупые люди! – думаю я, наблюдая монастырское наследие, соловецких чаек. Монахи запрещали их трогать, и они несли яйца посреди Кремля, тут же выводили тонконогих, безобразных, словно ошипанных, птенцов, путавшихся под ногами у богомольцев.

По-прежнему безбоязненно и нагло они расхаживают между нами, большие утки, с длинными, хищно загнутыми клювами.

Одна чайка повадилась прилетать к нам на окно: регулярно, три раза в день – утром, в обед и вечером, она садится на подоконник и нетерпеливо заглядывает в комнату, ожидая подачки. Если окно закрыто, она бьет крыльями в стекла, стучит в них клювом, – боясь, что сейчас посыпятся стекла, мы с проклятиями бросаем ей хлеб, засохшую кашу. Но если ей мало, она недовольно клекочет и не улетит, пока мы не дадим ей достаточно пищи.

С утра до вечера над Кремлем стоит отвратительный, тоскливый, выворачивающий наизнанку душу клекот чаек, и я скоро начинаю ненавидеть эту хищную, прожорливую, наглую птицу, наш символ мечты о счастье...» [Андреев Геннадий (Г. Хомяков). Соловецкие острова. 1927–1929. www.solovki.ca/nature/birds_01.htm].

Как будто подхватывая слова, высказанные Г. Хомяковым в конце 1920-х годов, полвека спустя Анатолий Жигулин выразит те же мысли в стихотворной форме: *Соловецкая чайка / Всегда голодна. / Замирает над пеною / Жалобный крик. / И свинцовая / Горькая катит волна / На далекий туманный / Пустой материк* [www.poeziavekov.info/?Zhigulin_Anatolii...chaika].

Неприглядными существами предстают чайки и в новелле Виктории Токаревой «Паша и Павлуша». На первый план выдвигается неприятный тембр их голоса и хищничество: Паша плакал, как лаял, а чайки носились над головой и орали, как коты. Видимо, были разочарованы, что Паша живой и им нельзя пообедать. Расклевать. Растащить на части. Хищные твари, потребители, агрегаты по пожиранию, как Павлуша и Тата. Чайки не боялись Пашу и разгуливали рядом – крупные и жирные, на тонких ногах. И кто это выдумал, что чайки – красивые птицы? [9, с. 98].

Кстати, многие виды чаек питаются не только мелкими морскими животными, но и потребляют любую доступную пищу. Так, большекрылая чайка питается «на прибрежных сельхозугодьях, болотах и кучах мусора», австралийская чайка «любит, когда ее подкармливают люди». А белая полярная чайка – о ужас! – подъедает «туши и помет тюленей и белых медведей» [2, с. 141, 147].

В романе современного галисийского писателя Б. Риваса говорится, что чайки, равно как и кефали, питаются терпением, которым забиты городские стоки: ¿Sabe por qué hay tantas gaviotas y tantos mújeles en esta ciudad? Porque se alimentan de paciencia. Las alcantarillas van llenas de paciencia [12, с. 418]. (Знаете, почему в этом городе столько чаек и кефалей? Потому что они питаются терпением. Им переполнены все городские стоки).

Сегодня, к сожалению, неразрывными и неотделимыми друг от друга мыслятся чайка и городская свалка, помойка. Об этом буквально кричит современная пресса, пишут стихи молодые авторы XXI века. Вот отрывок, взятый с сайта современной поэзии: *Здесь дерутся в кровь на помойках чайки, / От дворцов разит коммунальным супом, / И овсяный кофе я пью из чашки, / Что дрожит в ознобе а ля Юсупов* [Дидуров А.А. «Кафе на Васильевском»] [http://lit.lib.ru/d/didurov_a_a/kafe_na_vasiljevskom.shtml].

Где нынче место настоящих чаек?.. / О горделивой красоте жалеем, / Но в униженье мудрость обретаем. / Ведь чайка вместо неба и полета / На фонаре, простите, у помойки / Высматривает для поживы что-то, / Готовясь защищать добычу бойко [Иосиф Брейдо. «Чайка реет над помойкой» www.stihi.ru/2009/01/17/4521].

Или возьмем пародийное стихотворение из романа Ю. Полякова «Парижская любовь Кости Гуманкова»: *Мы с тобою – городские чайки, / Мы давно забыли запах моря, / Мы всю жизнь летаем над помойкой / И кричим с тоской: «Мы чайки, чайки...»* [8, с. 215].

Еще один пример взят нами из выступления сатирика Михаила Задорнова: *Чайки над этим морем уже не летают. Разъелись на мусорниках так, что не кричат по-чаячьи, а мяукают, как жирные коты* [6, с. 32].

Это сравнение чаек и котов удивительным образом совпадает с наблюдением М. Риваса, герой которого говорит о семействе кошачьих чаек и всегда готовых к полету котов: *Curtis <...> tenía por distante compañía <...> a los gatos y las gaviotas. Y reparó en cuánto se iban pareciendo en la noche unos a otros. Una estirpe cruzada por el faro de gaviotas felinas y gatos siempre a punto de volar* [12, p. 150]. Другой персонаж этого романа – ученик таксидермиста, – вообразив себя художником, увлеченно работает над чучелом гибрида – «кото-чайки» (или же «чайкотá?»): *Estoy trabajando en el gativotá, en el gato con cuerpo de gaviota, el aventurero de los tejados* [Ibid., p. 318]. (Я сейчас работаю над чайкотом, над котом с телом чайки, авантюристом крыш).

Поражает единодушие писателей и поэтов, говорящих почти в унисон. Их ранит, просто убивает этот символический когнитивный антагонизм: как совместить чайку-мечту о счастье и чайку-бомжиху, дерущуюся за зловонные отбросы в мусорном баке? Поэты переносят это противоречие на человека и на его эпоху. И чеховское «Я чайка!» звучит на новый лад: *Вспоминаю – и сердце из плена / Рвется, бьется и просится вон, / Чтоб крылом белоснежную пену / Обрывать с обезумевших волн. / Но помойку покинуть решиться – / Не судьба до скончания дней. / Да, мы, чайки, – отважные птицы, / Но она ведь, родная, нужней. / Так и будем сидеть на заборе, / Пожирая тухлятину впрок, / Раз не в силах на волю прибой / Променять этот сытый мирок* [Е. Маслов. «Чайки на помойке» <http://www.maslov.su/poetry/chaiki.html>].

Итог подводит следующий сонет Л. Сироты: *До обиды, до горечи жалки, / За забором из черных досок / Чайки белые бродят по свалке, / Жадно ищут съедобный кусок. / И не знают смущенья и горя / Оттого, что с неведомых пор / Были символом неба и моря, / Означали полет и простор.*

Очевидно, что идеал разбился о быт. Чайки со временем утратили в глазах людей романтический флер и обнаружили свое истинное лицо озабоченных поисками пищи существ: *Да не мы ль это, братцы, не мы ли? / Не намек ли, не знак это нам?* [Любовь Сирота. «Чайки». www.sthipro.ru/stihi_pro_ptits-0.html]

В русском молодежном сленге лексема *чайка* фигурирует в двух значениях: 1) новичок в игре (по созвучию с жаргонным *чайник*); 2) нечто вроде мародера в компьютерных состязаниях – игрок, подбирающий недобитую добычу около более сильных соперников [См.: «Грамота.ру» <http://www.gramota.ru/slovari/online/#1>]. Приведем пример из переписки игроков: «Лидеров гильдии видел тока в качестве чаек». Или: «Я тока знаю, что того, кто все фраги тырит, называют просто чайкой». [<http://teenslang.su/content.html>].

В мексиканском варианте испанского языка распространено выражение *A volar, gaviotas!* (Летите, чайки!), вовсе не лестное для тех, кто его услышит. Как указано в Кратком словаре мексиканизмов (Diccionario breve de mexicanismos), этот призыв используется для того, чтобы без лишних церемоний прогнать, выставить кого-либо вон «с презрением и недовольством»: *expresión que se emplea para despedir [expulsar de un lugar] a alguien con desprecio o disgusto, эквивалентно lárguense – ‘проваливайте’*

[<http://www.academia.org.mx/diccionarios/DICAZ/v.htm#anchor781065>].

В августе 2007 года в испанской газете “Diario” [http://www.madridiario.es/blogs/compermisio/?p=210] появилась заметка под названием «Чайка и Голубь». Напомним, что чайка является эмблемой испанской Народной партии – Partido Popular, а праздничное шествие проводится в день Пресвятой Девы – Голубки (Virgen de la Paloma) – покровительницы пожарных. Орнитоним *gaviota* нужен автору статьи, так как он помогает выразить критическое отношение к представителям Народной партии на различных уровнях (муниципальном и государственном), которые все ругаются между собой по пустякам и никак не придут к согласию: “*Gaviota o Paloma*” no es exactamente el título de la popular canción <...> “*Gavilán o Paloma*”, pero en su versión veraniego-política así anda la semana madrileña. Entre las tradicionales fiestas de La Virgen – procesión y descenso de su Cuadro por los bomberos de Madrid incluido con presencia del Alcalde Ruiz-Gallardón – y la “pelea” de gaviotas populares por un quitame allá esas pajas.

El PP municipal riñendo al PP autonómico por no rehabilitar lo suficiente, <...> recordando que tanto la Comunidad de Aguirre como el Gobierno de Zapatero invierten poco en estos menesteres. <...>

La Gaviota entretanto se ha aposentado entre la Puerta del Sol y la Casa de la Villa, <...> y eso que Madrid no tiene mar <...>. De momento Gallardón ha sido paloma por unos días pero sin dejar de intentar ser gaviota y es que el Alcalde tiene capacidad para asumir ambos papeles sin despeinarse.

Под определением «чайка, прикинувшаяся на несколько дней голубем», имеется в виду мэр Мадрида Руис-Гальярдон, человек, преследующий свои интересы, появляющийся лишь там, где можно чем-то поживиться. Так как чайка представляет собой эмблему испанской Народной партии, вполне возможен метонимический перенос данного орнитонима на деятелей этой политической организации.

Чайка – один из немногих орнитонимов, обнаруживающих в сопоставляемых языках диахронические различия в семантическом образном переосмыслении слова, вызванном не контекстом

произведения, а традициями национальной культуры в их столкновении с реальной действительностью, обусловленной деятельностью человека. Почти невероятным кажется проявившийся в результате нашего лингвокультурологического анализа контраст между внешней возвышенностью, изысканностью этого символа и его отталкивающей сущностной подоплекой.

Литература

1. Бальмонт, К. Избранное. Стихотворения, переводы, статьи. – М. : Художественная литература, 1980. – 744 с.
2. Бейчек, В.; Штястны, К. Птицы. Иллюстрированная энциклопедия. / пер. с англ. – М. : ООО «Изд-во Лабиринт Пресс», 2004.
3. Блок, А.А. Стихотворения. Поэмы. – М. : Современник, 1987. – 368 с.
4. Бунин, И. А. Стихотворения. – М. : Детская литература, 1989. – 112 с.
5. Гумилёв, Н.С. Избранное. – М. : Советская Россия, 1989. – 496 с.
6. Задорнов, М.Н. Пиар во время чумы, или Кому на Руси жить? – М. : АСТ : Астрель; Владимир: ВКТ, 2010. – 318 с.
7. Керлот, Х.Э. Словарь символов. – М. : Reff-book, 1994. – 608 с.
8. Поляков, Ю. Парижская любовь Кости Гуманкова / Ю. Поляков. Козлёнок в молоке. – М. : Молодая гвардия, 2001.
9. Токарева, В.С. Паша и Павлуша. / В. Токарева. Коррида. – М. : Вагриус, 1995. – 510 с.
10. Шанский, Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителя – изд. 2-е, исправленное и дополненное. – М. : Просвещение, 1971. – 542 с.
11. Palacio Valdés, A. La novela de un novelista. – Buenos Aires: Renacimiento, 1965. – 239 p.
12. Rivas, M. Los libros arden mal. – Madrid: Punto de lectura, 2007. – 492 p.
13. Sepúlveda, Luis. Teoría y práctica de volar // L. Sepúlveda. Historia de una gaviota y del gato que le enseñó a volar. – Madrid, 1999. – 115 p.
14. Vargas Llosa, M. ¿Quién mató a Palomino Molero? – Barcelona: Ed. Seix Barral, S.A., 1992. – 187 p.